

Спустившись въ садъ, я взглянулъ на малую террасу и сердце мое судорожно сжалось:

На террасѣ стоялъ Левъ Николаевичъ!

— Встаньте, братцы, встаньте, что вы, что вы,— проговорилъ Левъ Николаевичъ и тихимъ голосомъ сталъ говорить мужикамъ, что не слѣдуетъ такъ поступать человѣку передъ человѣкомъ.

Въ рукахъ Левъ Николаевичъ держалъ пачку трехрублевыхъ кредитокъ.

Впервые увидѣлъ я тогда знаменитаго писателя.

Я представлялъ себѣ Льва Николаевича богатырскаго тѣлосложенія, бодраго, сильнаго, но вмѣсто этого увидѣлъ человѣка средняго роста, худого и измученнаго. Характерная голова далеко ушла въ плечи и была наклонена слегка внизъ. Желтовато-сѣдая борода въ беспорядкѣ развивалась отъ легкаго вѣтра, а непослушныя пряди волосъ, мѣстами бѣлыхъ, мѣстами серебристо-сѣрыхъ обрамляли блѣдновато-желтое лицо.

Изъ подъ бровей глядѣли тусклые сѣровато-голубые глаза, только изрѣдка зажигавшіеся блескомъ.

Внутренній голосъ шепнулъ мнѣ: «подожди, останься»...

Левъ Николаевичъ продолжалъ говорить съ мужиками, раздавалъ имъ деньги, спорилъ съ ними, соглашался, говорилъ о трудѣ, о душѣ, о Богѣ, и часто, закрывая глаза, словно самому себѣ заглядывая въ душу, снова открывалъ ихъ и на слушателей глядѣли глубоко сидящіе въ орбитахъ мягкие, сѣрые, временами страдальческіе, прекрасные глаза. И какъ